

ВОСПОМИНАНИЯ О 9 ЯНВАРЕ.

Еще пакауве, 8-го января, мы, молодежь-пограничники, собирались у тов. Смирнова, работающего на фабрике Эриксона, в Выборгской районе.

Смирнов рассказал нам, что завтра рабочие всего Петербурга, идущие, по сочинению Галлена, к Зимнему дворцу, с грахом к парку, просят милости.

Мы все как один, а нас было пятеро, решили присоединиться к рабочим и выехать с поездом в 6 час. 40 мин. утра (я жил тогда на ст. "Удельная" по Финляндской ж. д.).

На следующее утро, т. е. 9 января, оказалось, что железнодорожное сообщение по Финляндской дороге временно прекращено. Тогда т. Смирнов, предложил идти в город пешком. Троиц из нас не согласились, а я и Смирнов пошли.

Однадцать верст, для нас, молодых парней, было ни по чай. Через два часа мы уже шагали по Литейному мосту.

Кудо с него не посмотришь—всюду были массы рабочих, как растревоженный пурпурный пурпурник. Тянулись вереницы и вереницы людей.

Пробегая мимо Маринской больницы, мы увидели выезжающие с ее двора кареты скорой помощи, и сидящих в них сестер милосердия, в белых косынках.

Мы со Смирновым прицепились крачно, за саднюю подножку и благополучно доехали до р. Мойки, где кареты остановились. В этот момент со стороны Александровского сада послышалась ружейная стрельба залпами. Стоявший у кареты д-р Ивановский крикнул кучерам:

— Трогай, вперед рывко.

Нам не удалось вскаакнуть на подножку кареты и мы побежали за них бегом.

Навстречу нам попадалось много рабочих, женщин и детей, у всех был испуганный вид в бледные лица. Д-р Ивановский, высунувшись в окно кареты, кричал:

— Товарищи, где стреляют?

— Там, там. На площади Зимнего дворца.. Спешите скорей..

Так как мы со Смирновым было трудно бежать изза встречной толпы, то мы ухватились за сзади кареты, за деревянные поручни и таким способом добежали до Главного штаба, что в конце Невского проспекта.

Из-за угла, со стороны Зимнего дворца, бежал народ. Все что то кричали, указывая руками на Александровскую военную больницу в сестры милосердия,

ликорадочно вытаскивали из карет посыпки и сумки с перевязочными материалами. Я присоединился к ним. В этот момент раздался сухой треск замка.

Через несколько секунд послышались стоны и крики со стороны Александровского сада. Все перемешалось, одни падали, другие бежали, сбивая с ног встречных и нельзя было разобраться: кто ранен, кто убит.

Священник Гапон, организатор крестного хода рабочих к царскому дворцу 9 января 1905 года. Когда крестный ход был расстрелян войсками, Гапон повесился.

Кое-как я, Смирнов и сестра милосердия Кабальчик добрались до ограды Александровского сада. Глазам нашим представилась кошмарная картина, которую я не забуду до конца своей жизни..

Направо, налево... Везде в лужах крови.. Борчались в предсмертной агонии тела людей..

Вот студент, стоя на коленях, квачаясь судорожно за грудь, устремил свой обезумевший взгляд на все увеличивающуюся лужу крови, льющейся потоком из его открытого рта...

А здесь, лежащая ничком женщина.. царапает пальцами слеп, сметившая его с собственной кровью, тонкой струйкой льющейся из ее бока..

А вот.. два тела, как видно рабочих. У обоих глаза открыты, взгляды устремлены в небо.. У одного из них вебольшое отверстие у правого глаза, у

второго под спиной кровавое пятно.. В воздухе запах крови.. Раздался тихий стон.. Я обернулся и увидел мальчика, лет десяти, висевшего на железной ограде, копья которой насекомые пронизали его живот.

Несчастный мальчик.. Он хотел видеть "милость царя"—но когда, раздался первый залп "этой милости", он, спасаясь, забрался высоко на дерево, надеясь избежать смерти. Роковая пуля пробила ему руку и плечо, как подстремленная птичка, он напоролся на острые копья ограды.

Кто был легко ранен, тот бежал оставляя за собой груды тяжело раненных и убитых..

Меня с неизвестными тошило от крови, но все же, я как умел, не отставал от сестры Кабальчик..

Вдруг загряла труба..

И в миг от Эрмитажа густой лавой понеслась кавалерия, разыскивая шашками и рубя с плеча оставшиеся в живых толпы народа..

Кавалерия быстро надвигалась к Александровскому саду и я едва успел забежать за угол Невского проспекта, как она прокакала мимо к Исаакиевскому собору, оставив за собой кровавую дорогу. Спасаясь, я потерял в толпе своего товарища Смирнова. Сестра Кабальчик кого-то перевязывала...

Я вновь направлялся к саду. По дороге кто-то сватил меня за полу пальто. Обернувшись, я увидел обезумевший умирающий взгляд девушки, на голове которой зияла рассеченная глубокая рана, с зарубленными в нее волосами.. Оказаться помочь уже ей было бесполезно.

Огня от нее несколько шагов, и паткался на лежачую на спине, издающую девочку в белом платьице с нарядкой и в белом калоре, ручки ее безжизненно раскинулись, только ножки как то странно подергивались. Я нагнулся и поднял ее с мостовой..

Она открыла глаза.. И устремив куда-то вдаль свой взгляд, простопала...

— Мама.. мамочка..

И умерла.

Подошедший санитар, растегнув пальто умершей девочки, обнаружил раздавленной всю брюшную полость, как видно копытом лошади пронзившейся кавалерии.

Это—была последняя жертва "царской милости", которую я видел своими глазами, первые из которых не выдержали.. Я очнулся в больнице.

Таубе.

Гих выступлениях городской пролетариата. Благодаря всем этим причинам, а также и малой организованности пролетариата, в момент русско-японской войны мы ожидали программы-минимума от своих революционных выступлений и поступков с их действиями.

Масса (не крестьянская), а даже городская, рабочий пролетариат, был темен, мало подвижен, но с наивной верой в батюшку-царя, спасаем царским правительством и вся политика в том заключалась, чтобы держать и вперед его в этом же состоянии.

При таких условиях, разумеется, ожидать чего-нибудь реального в ближайшем будущем не представлялось возможным.

9 января, с его кровожадным и бесцельным расстрелом мирной рабочей толпы, шедшей к батюшке царю, явилось толкающим будителем дремлющих революционных сил.

Коли такое зверство произошло, нужно противодействие оказать, а этим противодействием явилось—призыв к вооруженному восстанию, за которое и ухватились большевики, зоя и тормоща всякого.

"Освобождение рабочих—дело самих рабочих"—лозунг этот начинает играть первостепенную роль; наивная вера в царя рушится.

В. Зайкович.

Настало воскресенье.

С утра вышел из дома с товарищем и отцом и пошли за Невскую заставу. Там был сборный пункт, туда велел Гапон собраться всем нам, рабочим-путникам и остальным, которые жили в Нарвской районе.

Несчастный мальчик.. Он хотел видеть "милость царя"—но когда, раздался первый залп "этой милости", он, спасаясь, забрался высоко на дерево, надеясь избежать смерти. Роковая пуля пробила ему руку и плечо, как подстремленная птичка, он напоролся на острые копья ограды.

Кто был легко ранен, тот бежал оставляя за собой груды тяжело раненных и убитых..

Меня с неизвестными тошило от крови, но все же, я как умел, не отставал от сестры Кабальчик..

Вдруг раздался залп, затем еще.

У меня товарищ рядом падает, затем я с ранеными и убитыми. Сколько времени прошло я не знаю, но кое-как выкарабкался из под раненых, встал.

Было мирное пастроение, на полицию смотрели с добродушием: «Для порядка выехали, чего беспокоиться—сами такой порядок держим, какого они и не видывали».

Все мирно разговаривали друг с другом, шутили, смеялись. Подошли, остановились. Вдруг вышел Гапон, попросил дать слово.

— Так то, сказал он,—братья оружие с собой не берите, мы должны идти к батюшке-царю с пустыми руками и крахмальными флагами и плащами тоже не берите с собой, у кого есть—сейчас же разорвать.

Все ответили:

— «Оружие не брать с собой, а у кого увидим, так сейчас же отберем».

Был пришел из ушаковской церкви с царскими портретами, иконами и церковными коругами.

Полиция стала уговаривать рабочих, чтобы они разошлись, но никто не хотел и слышать.

Рабочие сказали:

— «Мы сами сумеем порядок вести и без вас».

Толпа тронулась вперед.

Пошли по Крылову переулку.

Вдруг из нас выпала кавалерия, шашками паролю: мы ради сдавшихся они прошли, никого из нас не тронут; повернула обратно и шашками говорят нам, работчики:

— «Мы вас не тронем, мы знаем, что вы идете за свою правду».

И мышли смело, думали, что все войска за нас побудут.

Пошли вперед до самой Нарвской заставы.

Смотрим: стоит пехота, ружья на перекрестье.

Мы все идем вперед.

Вдруг раздался залп, затем еще.

У меня товарищ рядом падает, затем я с ранеными и убитыми. Сколько времени прошло я не знаю, но кое-как выкарабкался из под раненых, встал.

Было мирное пастроение, на полицию смотрели с добродушием: «Для порядка выехали, чего беспокоиться—сами такой порядок держим, какого они и не видывали».

Тут смотрю полиция и конные городовые бьют нагайками рабочих и женщин.

Появились подводы, издавливали убитых и разрезали на сани и везут кудато.

Я лежу под забором, смотрю и думаю: «куда идти». Кое-как вылез и пошел на Невский. Еще пробрался.

Выхожу на Садовую, а и там не лучше: тоже идет стрельба и кровопролитие.

Дальше и уже не мог пройти и вернулся обратно домой по Нарвской заставе. Темно, слышен плач и рыдание женщин, проклятие убийца-кошандира и царя-кровопийца.

Юрас Кукк.

Вместо хлеба и воли— нагайки и пули.

20 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

Мне сорок два года.

Чего же мы ждали двадцать лет тому назад?

Прежде чем ответить на этот вопрос нужно осветить ту политическую конъюнктуру (положение), в котором находилась наша страна,—Российская Империя.

Власть самодержца, императора и помазанника божьего была неограничена. Всякое живое слово не только не разрешалось, но даже старались так, чтобы пикнуть не смели.

Меньшинства народностей, составляющих население Империи, терпело еще худшие тяготы.

Финляндия была наводнена русскими войсками, шло ее обрушение, Польша с ее перемежающимся составом населения по народностям, терпела и выносila гнет мести правительства за польское восстание 1861 г. и не только выносила, но под влиянием этого владычества национально вымирала,—польского языка не существовало, на таком почти положении была и Малороссия (Украина). Шло обрушение кавказских народностей, но в силу многих причин, особенно этнографического и географического характера эта мера не имела больших положительных результатов.

Революционные вспышки происходили, забастовки также имели спорадический (единичный) характер, но массового стачечного движения не было. Эти же забастовки имели очень большой воспитательный и показательный свойства характер.

Крестьянские земельные беспорядки также на юге России (Украина) в 1902 г. вылились довольно широко.

Несмотря на то, что они были за-

гих выступлениях городской пролетариата. Благодаря всем этим причинам, а также и малой организованности пролетариата, в момент русско-японской войны мы ожидали программы-минимума от своих революционных выступлений и поступков с их действиями.

Масса (не крестьянская), а даже городская, рабочий пролетариат, был темен, мало подвижен, но с наивной верой в батюшку-царя, спасаем царским правительством и вся политика в том заключалась, чтобы держать и вперед его в этом же состоянии.

При таких условиях, разумеется, ожидать чего-нибудь реального в ближайшем будущем не представлялось возможным.

9 января, с его кровожадным и бесцельным расстрелом мирной рабочей толпы, шедшей к батюшке царю, явилось толкающим будителем дремлющих революционных сил.

Коли такое зверство произошло, нужно противодействие оказать, а этим противодействием явилось—призыв к вооруженному восстанию, за которое и ухватились большевики, зоя и тормоща всякого.

"Освобождение рабочих—дело самих рабочих"—лозунг этот начинает играть первостепенную роль; наивная вера в царя рушится.

В. Зайкович.

Ухватившись рука об руку, рабочие, женщины рабочих и дети двинулись вперед, таким образом, что заняли всю улицу от павильона до павильона, такой колонна дошла до моста по Каменному острожекому проспекту. Конец растянувшейся колонны находился в это время около Карловского моста.

И шел в 18 ряду от головы колонны. Подходя к мосту, мы увидели, что здесь стояла застава солдат. Офицер этой заставы вышел вперед и стал пра-

дупреж